

Портрет рэкетира

В Центральном Доме художника открыта выставка Владимира Любарова из деревни Перемилово.

Художник полгода живет в Москве, полгода в деревне Перемилово Владимирской губернии, и придумал он это давным-давно. Говорит, что не рисует с натуры, а вокруг — куда ни глядь — ходят одни лишь «дяди Леши с арбузом», «дяди Саши с кочергой» да похмельные «Васи» — все сплошь с любаровских портретов.

Приезжает он в деревню Перемилово бледной зеленой весной, и несколько дней привыкает к тому, что время тут течет как-то по-иному. Бывает, войдет в сарай за кисточкой, начнет в холсту ковыряться, задумается — глядь и день прошел. А бывает, sereneкий день выдастся: и тянется и тянется он, и сносу ему нет. Но за эти длинные и короткие летние дни успевает каждый год Любаров нарисовать картин на целую выставку. И возвращается в город совсем другим человеком. Станным каким-то, пришивинским, лесным.

Любаров как-то зимой спросил, какую ему машину купить, может быть, иномарку? Потом застенялся необузданности своих притязаний и объяснил. Он пишет картины, размер которых позволяет ему увезти их в «Москвиче» из деревни в мастерскую, ну и на выставку. А вот если он купит недорого старенький микроавтобус, то и картины сможет писать большего размера, потому что они пролезут в дверцу.

Исходя из нового тайного знания об искусстве, я могу теперь предположить, что самые большие машины у президента Академии художеств Зураба Церетели. А мастера миниатюры и мелкой пластики это, должно быть, пешеходы с оттопыренными карманами. Художник Любаров именно из таких людей. Если не будет у него машины, он будет писать на дощечках и щепочках.

Предыдущие его выставки назывались «Деревня Перемилово», «Неновые русские». Была еще «Двое на завалинке» вместе с Владимиром Войновичем. Нынешняя, 1998 года, называется «Город Щипок». Чтобы посмотреть, почему так упорно художник привязывает названия к реальности, я поехал без предупреждения к нему в деревню.

Слякотная, кривая деревенька прилепилась на горе. Кривая быстрая речушка Шоса крадется под горой. Колени разбиты тракторами. Художника Любарова в деревне знают: махнули рукой вдоль косогора. И на самом краю оказалась обычная для московского жителя халупа. Мы вышли из машины и увидели то-

Владимир Любаров. «Очередь»

щую фигуру в куске полиэтилена, накрывшуюся с головой. Это был художник Любаров, который всматривался в нас, как Илья Муромец в злого тугарина, — и не узнавал. То есть в деревне вид городского человека напрочь забывается. Но потом признал. И начался обычный суматошный час, когда хозяева не знают, куда гостей усадить, а гости не знают, как от хозяев избавиться.

Мы осмотрели кривой участок, кусты чахлой смородины, терновник, стеной встающий за забором. Хозяин пытался расписать это все в легкой красе. Все было напрасно. Скучная весна поблескивала голыми прутика-

ми. Но все равно мы уехали довольные Перемиллово. А осенью он привез картины.

И опять медленный обскакал быстрой. Пока мы тут спасали вклады, снимали правительство, назначали правительство, рушили и воскрешали банки, художник рисовал себе улицу и человечков. И нарисовал главное: возвращенное время. У нас в головах и офисах 1998-й год. А на картинах Любарова 1992-й. То есть это не ретро. Он рисовал-то 1998-й. А получилось у него само собой на несколько лет раньше. Картины называются «Портрет рэкетира Гречкина», «Спящие», «Понедельник», «Зона отдыха», «Фото на память». Все реалии нашего времени, нашего года. А суть — откатилось время.

Помните стишок Маршака — его ничего не стоит переделать? «Среднего роста, плечистый и крепкий. Ходит он в белой футболке и кепке. Знак Г.К.О. на груди у него. Больше не знают о нем ничего». Вот этого человека и привез Любаров. И неважно, откуда этот персонаж: из «Спортивного праздника», «Очереди» или «Гречкина». Важно: как выкрутимся?

И получаем именно тот ответ, который вовсе не жаждем услышать. Живете вы, говорит художник Любаров, вовсе не в 1998 году, как наивно полагают мальчики и девочки из представительных фирм и рекламных агентств. Живете вы снова в том же голеньком и унылом 1992 году, в котором было модно и дедушкино пенсне поменять на баночку кофе. Чуда не случилось, братцы. Если вы семь лет ничего не делали в поте лица своего, чтобы жизнь изменить к лучшему, а только ввали и заклинали, только вкладывали в банки деньги под воровской процент, то никак не могло получиться, чтобы жизнь стала совсем хорошей. Долго терпели вас старые ходики, но пружинка соскочила.

И потому я предлагаю отлить золотой нагрудный «Значок Г.К.О.» и за №1 вручить его Любарову. Потому что он не только сегодняшнее нам показывал, но и намекает, указуя рукой в даль.

Сергей БАРДИН